

Разновидности русского языка в романе Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и передача их особенностей при переводе на французский и нидерландский языки

Исследована специфика отражения особенностей социальных разновидностей русского языка, а именно просторечия и тюремного арго, при переводе романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» на французский и нидерландский языки. В числе выявленных переводческих трансформаций — подбор социолингвистического или частичного эквивалента, стилистическая нейтрализация, калькирование и адаптация. Проведенный анализ показал, что в целом доминирующим приемом, используемым для передачи социально маркированных языковых единиц при переводе, является стилистическая нейтрализация. Тем не менее ее реализация отличается в зависимости от соотношения «исходная разновидность русского языка — язык перевода». В нидерландском языке с помощью этого приема передано 53% арготизмов и 44% просторечий, т.е. в среднем примерно половина случаев. Во французском доминирование стилистической нейтрализации выражено не столь ярко — 11% лексем, присущих тюремному арго, и 42% просторечий, и на нее приходится в среднем чуть более четверти всех выявленных случаев. Для перевода лексических единиц, относящихся к тюремному арго, приемы, которым отдают предпочтение переводчики, не совпадают. В обоих языках в 41% случаев подбирается частичный эквивалент, но во французском тексте выявлено гораздо больше арготизмов (47%), чем в нидерландском (6%). Стилистическая нейтрализация отмечена во французском в 11% случаев, в то время как в нидерландском — в 53%. При этом русские просторечия в 10% случаев переведены на нидерландский язык с помощью арготизмов. Калькирование используется в тех случаях, когда в тексте оригинала просторечия представлены в форме речевых ошибок. Для передачи рифмованных высказываний переводчики прибегают к адаптации.

Ключевые слова: русский язык, французский язык, нидерландский язык, перевод, просторечие, тюремное арго, Яхина, «Зулейха открывает глаза».

This research deals with the specific features of socially based varieties of the Russian language, namely *prostorechie* and prison jargon, used in *Zuleikha Opens her Eyes* by G. Yakhina and their translation into French and Dutch. The identified translation techniques included *sociolinguistic equivalence*, *partial equivalence*, *standardization*, *calque* and *adaptation*. The analysis revealed that the dominant strategy used to convey the elements of sub-standard Russian varieties into English is *standardization*. However, its use varies subject to the combination between the source language variety and the target language. In the Dutch translation, this technique is employed to translate 52% of argotic lexical units and 44% of *prostorechie* elements, i.e. about half of all the cases. This dominance is not so strong in the French translation — 11% of argotic lexical units and 42% of *prostorechie* elements, i.e. about more than a quarter of all the cases. As for argotic lexical units, translators recur to different techniques. In 41% of cases, both of them opt for *partial equivalence*, but argotic equivalents abound in French (47%), contrary to Dutch (6%). *Standardization* is used for 11% of cases in French, and for 53% of cases in Dutch. The translator into Dutch recurs to argotic lexical units in order to render 10% of *prostorechie* elements. *Calques* are used to render language errors, and *rimes* are conveyed through *adaptation*.

Keywords: Russian, French, Dutch, translation, *prostorechie*, prison jargon, Yakhina, “Zuleikha Opens her Eyes”.

Введение

«Роман — это художественно организованное социальное разноречие, иногда разноязычие, и индивидуальная разноголосица», — пишет М.М. Бахтин в работе «Слово в романе» [1. С. 76]. Если в случае с разноязычием речь идет о соприсутствии в тексте нескольких языков, то разноречие представляет собой «внутреннюю расслоенность единого национального языка на социальные диалекты» [Там же]. Разноречие «в некоем роде естественно для общества, оно спонтанно рождается из социального многообразия» [2. Р. 89].

Настоящее исследование посвящено отражению в художественном тексте разновидностей русского языка, обусловленных социальным статусом говорящего, а именно просторечия и тюремного арго, и специфике его передачи при переводе. Материалом исследования послужили

роман Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» [3] и его переводы на французский [4] и нидерландский языки [5]. Выбор данного произведения не случаен: роман снискал признание как среди читателей, так и литературных критиков, получив ряд престижных премий, в числе которых «Большая книга» и «Ясная Поляна». По мотивам романа поставлен спектакль и снят телевизионный сериал. Первые переводы романа на иностранные языки появились уже в 2017 г., и на сегодняшний день их насчитывается около тридцати. По мнению А.В. Жучковой, успех романа вызван тем, что в нем «соединилось несоединимое, скрестилось нескрещиваемое: татарский и русский менталитет, патриотическая идея и либеральная повестка, “большая” и массовая литература, свое и чужое слово», что создает множественность ракурсов интерпретации [6. С. 572].

По меткому выражению Л. Улицкой, Г. Яхина является продолжательницей традиции бикультурных писателей, сложившейся в Советском Союзе [7. С. 5]. Русскоязычный текст насквозь пронизан иноязычными элементами, которые для русского читателя лакунарны, так как не имеют ни внешних, ни понятийных эквивалентов в русском языке [8. С. 62]. Роман Г. Яхиной представляет собой настоящую лингвистическую мозаику, не ограничивающуюся однако вкраплением других языков, но отражающую многогранность русского языка.

Речевые портреты персонажей представляют собой часть их образов. Речь малообразованных представителей нового правящего класса, получивших новый статус с приходом советской власти (пролетариат, солдаты, бывшие слуги), характеризуется обилием просторечий. Уголовник Горелов изъясняется с помощью тюремного арго, часто прибегает к вульгаризмам и инвективам. Ряд персонажей использует другие языки, в первую очередь Зулейха — этническая татарка. Представители бывшей аристократии и интеллигенции, владеющие несколькими европейскими языками, часто говорят по-французски. В целом можно отметить, что разновидности русского языка, обусловленные социальным статусом говорящего, присущи скорее отрицательным персонажам, не вызывающим сочувствия у читателя. Напротив, те, кто читателю импонирует, являются билингвами. Таким образом, полное нивелирование элементов, находящихся за пределами языковой нормы, при переводе неизбежно повлекло бы за собой искажение авторского замысла.

Как французский, так и нидерландский переводы романа получили высокую оценку. В 2017 г. перевод на французский язык стал финалистом премии *Médicis étranger* и получил премию *Transfuge* за лучший русский роман. В 2018 г. нидерландская версия романа вошла в лонг-лист премии *Europese Literatuurprijs*.

Перевод на нидерландский язык выполнил А. Лангевельд, имеющий солидный послужной список: в числе переведенных им книг — «Обломов» И.А. Гончарова, «Мертвые души» Н.В. Гоголя и «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского, а также произведения русских писателей XX в. (Д. Хармса, Б. Пильняка, И. Бродского). На французский язык роман переведен М. Мобийяр, родившейся в Швейцарии, но уже много лет живущей в Москве. В 2019 г. французская версия книги была удостоена премии за перевод Национального института восточных языков и цивилизаций (Франция).

При проведении настоящего исследования установление принадлежности языковых единиц к просторечию осуществлялось на основании «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой [9] и «Большого толкового словаря русского языка» С.А. Кузнецова [10]. При этом необходимо отметить, что пометы, касающиеся просторечных лексем, носят в словарях разнородный характер: «грубо-просторечное», «грубое», «вульгарное», «бранное». Пометы касательно одного и того же слова могут различаться не только в разных словарях, но и в различных изданиях одного и того же словаря [11. С. 126]. В категорию просторечий были также включены языковые единицы, несущие сниженную коннотацию, грубую, вульгарную и оскорбительную экспрессивную окраску.

Лексемы, относящиеся к тюремному арго, проверялись с помощью «Словаря русского арго» В.С. Елистратова [12] и «Словаря тюремно-лагерно-блатного жаргона» Д.С. Балдаева, В.К. Белко и И.М. Исупова [13].

При установлении стилистической принадлежности французских и нидерландских лексем были использованы: словари *Le Petit Robert* [14], *Larousse* [15]; интернет-ресурсы www.cnrtl.fr и www.atilf.fr, а также электронный словарь *Van Dale Online Woordenboeken* [16]. Как и в случае с толковыми словарями русского языка, указанные источники не дают однозначной оценки принадлежности лексем к определенной языковой разновидности. Таким образом, проанализированные лексемы, отобранные в текстах переводов, имеют во французских словарях пометы «просторечный» (*populaire*), «фамильярный» (*familier*), «вульгарный» (*vulgaire*), «пейоративный» (*péjoratif*) и «бранный» (*injurieux*), а в нидерландском — «ненормативный» (*niet algemeen*), «неформальный» (*informeel*), «пейоративный» (*negatief*), «вульгарный» (*vulgair*) и «бранный» (*scheldwoord*). Что касается перевода арготизмов на нидерландский язык, то также использованы специализированные словари — толковый [17] и переводной [18].

Переводческие приемы

Первый прием — подбор социолингвистического эквивалента — подразумевает нахождение переводчиком языковых средств, свойственных соответствующей социально обусловленной разновидности языка перевода. При этом необходимо учитывать, что в языках перевода эти разновидности имеют иные формальные характеристики и сложились в иных социально-исторических условиях, чем соответствующие разновидности русского языка.

Второй прием состоит в стилистической нейтрализации особенностей, присущих социально детерминированным разновидностям языка. Например, просторечная диминутивная форма *гражданочки* [3. С. 100] переведена с помощью нейтральных лексем *citoyennes* [4. Р. 97] и *burgeressen* (Ibid. Р. 96).

Третий прием — подбор частичного эквивалента — состоит в замене стилистически маркированных языковых единиц языка оригинала разговорными эквивалентами языка перевода и используется исключительно при передаче тюремного арготизма. При этом необходимо осознавать, что перевод арготизмов с помощью разговорных, фамильярных или инвективных единиц неизбежно приводит к полной или частичной утрате коннотаций, присущих оригиналу, где использование арготизмов маркирует социальную принадлежность персонажей. Так, арготизм *надла* [3. С. 479] переведен на французский язык с помощью лексемы *connard* [4. Р. 434], имеющей в словарях помету «крайне фамильярно» (*Le Petit Robert*) и «вульгарно» (www.atilf.fr). В нидерландской версии используется инвектив *vuilak* [5. Р. 452].

Речевые ошибки, отличающиеся частотностью в русском просторечии, в основном переданы посредством создания речевых ошибок с использованием языковых средств языка перевода, в частности посредством калькирования. Например, *от окояна до окояна и моря-окояны* [3. С. 184] переводится на французский как *d'un «ocian» à l'autre* и *ces mer et ces «ocians»* [4. Р. 176], а на нидерландский — *osejaan naar osejaan et osejaanzeeën* [5. Р. 176].

Для передачи фразеологизмов и рифмованных высказываний используется прием адаптации, состоящий в замене неизвестного известным, а непривычного — привычным при сохранении смысла высказывания [19. С. 43]. Например, устойчивое словосочетание *калач тертый* [4. Р. 165] переведено на французский и нидерландский языки посредством фразеологизмов на иной образной основе: *un vieux de la vieille* [4. Р. 158] и *een ouwe bajesklant* [5. Р. 158].

Результаты и их обсуждение

В ходе анализа были отобраны 73 текстовых фрагмента, в которых были выявлены 17 лексических единиц, относящиеся к тюремному арготизму, и 56 просторечий. Для передачи тюремного арготизма переводчиками на французский и нидерландский языки использовались разные подходы. Во французском преобладает использование социолингвистических (47%) и частичных (41%) эквивалентов. Случаи стилистической нейтрализации немногочисленны (11%). Переводчик

на нидерландский язык, напротив, отдает предпочтение нейтрализации (53%), за которой следует прием подбора частичного эквивалента (41%). Случаи подбора социолингвистического эквивалента практически отсутствуют (6%). Пять из семнадцати случаев использования тюремного аргю в оригинале (примерно 30%) приходится на тексты песен.

Пример 1 (русский). Менты оравой кипишнули с ходу-у-у... Жиганам вилы, к жучке не ходи-и-и. Линять уж некуда, кругом полно народу-у-у. Процесс, тюрьма и вышка впереди-и-и... [3. С. 166];

(французский). Les cognes ont accouru en foule de tous les coins-oins... Les escarpes sont cuits, pas b'soin d'faire un dessin-in. Y a d'la flicaille partout, y pourront pas cramper-er. Y seront mis au trou et pis ce s'ra le gibet... [4. P. 158];

(нидерландский). De flikken rusten jullie rauw.<...> Voor boeven linke soep, maak dat je wekomt bij die vrouw... Je zit zwaar in de shit en je ken geen kant meer op. Dat wordt proces, gevangenis en strop [5. P. 158].

Во французском тексте только лексемы *cogne*, *escarpe* и *trou* имеют в онлайн-словаре *www.atilf.fr* помету «арго», в то время как лексема *flicaille* расценивается как просторечие (*populaire*). Сниженный стиль передается в основном посредством фонетических средств (*b'soin*, *Ya...*, *у...*, *pis*, *s'ra...*). В нидерландском переводе расхождения с языковой нормой отмечены на морфологическом уровне: используется просторечный вариант спряжения глагола *kunnen* («мочь») — *je ken* вместо *je kan*. Что касается лексического уровня, переводчик вводит в текст разговорные лексемы (*flik* — полицейский). Лексема *shit* имеет в словаре *Van Dale* помету «разговорный» (*informeel*). На этой последней лексеме необходимо остановиться подробнее, так как она вошла в лексический фонд нидерландского языка лишь в конце 1950-х гг. Следовательно, имеем дело с рассогласованием с точки зрения диахронии, поскольку действие романа происходит в 1930-е гг.

Арготические лексические единицы, выявленные в тексте оригинала, перестали носить периферийный характер в русском лексическом фонде и стали частью разговорного или сниженного регистра, например *менты*, *кипишевать*, *линять*, *шухер*. При этом употребляющие их носители русского языка не всегда осознают их этимологию. Этот факт, вероятно, объясняет использование приема стилистической нейтрализации переводчиком на нидерландский язык и подбора частичного эквивалента переводчицей на французский. Тем не менее необходимо отметить, что в эпоху, описываемую в романе, указанные лексемы еще являлись ярко выраженными маркерами принадлежности к криминальному миру.

Текстовые фрагменты, в которых слово берет уголовник Горелов, переданы во французском переводе с помощью арготизмов, а в нидерландском они нейтрализуются.

Пример 2 (русский). Две ходки имею, зема. На Сахалине чалился, в Соловках мочалился [3. С. 166];

(французский). J'ai eu deux sapes, mon pote. J'ai lavé mon linge aux Sakhaline, j'ai fait du ballon aux Solovki [4. P. 158];

(нидерландский). Ik heb tweemaal gezeten, ouwe jongen. Op Sachalin heb ik gezeten, op Solovki ben ik bijna de pijp uitgegaan [5. P. 158].

В примере 2 во французском переводе отмечены арготические лексемы *sape* («ходка»), *laver son linge* («чалиться») и *faire ballon* («загибаться от голода»). Переводчик на нидерландский язык отдает предпочтение лексеме, не относящейся, согласно словарю *Van Dale*, ни к аргю, ни к снижению стилю: *ik heb <...> gezeten* (дословно «я сидел»), а также использует фразеологизм, присущий нормированному нидерландскому языку: *de pijp uitgaan* («умирать»).

Что касается передачи просторечий, то в подходе переводчиков также наблюдаются расхождения. Во французском переводе в основном используется прием подбора социолингвистического эквивалента (53%) и в меньшей степени стилистическая нейтрализация (42%). Переводчик на нидерландский язык, напротив, отдает предпочтение стилистической нейтрализации (44%), а подбор социолингвистического эквивалента оказывается на втором месте (39%). Кроме того, примечательно, что в 10% случаев просторечия передаются с помощью элементов нидерландского тюремного аргю, именуемого *bargoens*.

Для передачи просторечий, представляющих собой речевые ошибки (четыре лексические единицы), оба переводчика прибегают к созданию эквивалентной единицы на языке перевода или калькированию.

Пример 3 (русский). Будешь по утрам кофий пить: в прохвессорской комнате, из прохвессорских чашек [3. С. 116];

(французский). Tu boiras du caoua tous les matins: dans la piaule du professeur, dans les p'tites tasses du professeur! [4. Р. 113];

(нидерландский). Jij gaat 's morgens koffiedrinken: in de kamer van de profester, uit de kopjes van de profester [5. Р. 111].

В примере 3 просторечная форма имени существительного *профессор* (*прохвессор*), на основании которой в оригинале также образованы имена прилагательные-дериваты, передается в переводе на нидерландский язык с помощью изменения морфемного состава лексемы *professor* (*profester*), а во французском компенсируется за счет опущения фонемы *e* другой лексической единицы (*p'tites tasses*). Просторечие *кофий* передано во французском тексте посредством изменения морфемного состава лексемы *сакао* (*саоиа*).

Для передачи просторечия *кофа* переводчица прибегает к этому же приему — *соfé* вместо нормативного *саfé*, в то время как в нидерландском переводе вновь используется нормативное *koffie*.

Пример 4 (русский). А вот кофу — как пить дать, хлещет ее целыми днями [3. С. 478];

(французский). Du cofé, il en boira toute la journée [4. Р. 432];

(нидерландский). Maar koffie, dat drinkt hij met liters [5. Р. 450].

При передаче игры слов, построенной на рифме, переводчики прибегают к адаптации и используют лексемы, свойственные нормативному языку.

Пример 5 (русский). Г-где? — В бороде! [3. С. 226];

(французский). Où? — À Tombouctou! [4. Р. 214];

(нидерландский). W-Waar? — In m'n haar! [5. Р. 216].

Этот прием позволяет сохранить рифму, но игра слов построена на иной образной основе. При этом во французском переводе упоминается африканский город Томбукту, что представляется довольно удивительным, учитывая, что высказывание вкладывается в уста солдата Красной армии. Нидерландский перевод оказывается ближе к оригиналу: дословно «Где? — В моих волосах»).

В романе также приводится фрагмент текста песни 1920–1930-х гг.

Пример 6 (русский). На Дерибасовской открылась пивная-а-а-а..., там собиралась компания блатная-а-а-а... [3. С. 137];

(французский). Rue Deribassovskaïa, z'ont ouvert un nouveau troque-e-et, toute la pègre d'Odessa s'y réunissai-ai-ait... [4. Р. 133];

(нидерландский). Aan de Deribasovstraat kun je zuipen en vozen. De lievelingsplek van de hele penoze [5. Р. 131].

Черты просторечного языка в примере 6 проявляются на морфологическом уровне: использование глагольного аффикса *-ся* вместо *-сь*. Выражение *компания блатная* отнесено в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой к арготизмам, а в «Большом толковом словаре русского языка» С.А. Кузнецова — к разговорному регистру. Во французском переводе стилистика оригинала отражается на морфологическом уровне — *z'ont*. Напротив, переводчик на нидерландский язык задействует лексический уровень и вводит в текст следующие глаголы: *zuipen* (разг. «пить») и *vozen* («заниматься сексом»), имеющие в словаре помету «арго», которая отсутствует в оригинале. Другой арготизм — *penoze* — используется для перевода выражения *компания блатная*. Лексическое добавление позволяет сохранить рифму — *vozen / penoze* — и передать ее более удачно, чем во французском, где она основана на ассонансе.

Просторечия, носящие вульгарный или инвективный оттенок, сохраняют его в переводах.

Пример 7 (русский). Чапай отседова, Филон [3. С. 479];
(французский). *Moi, ton camarade, cloporte?* [4. P. 434];
(нидерландский). *Ik ben je kamaraad niet, etter* [5. P. 452].

Как во французском, так и в нидерландском тексте используются стилистически нейтральные единицы в главном предложении, за которыми следует обращение, имеющее ярко выраженную пейоративную коннотацию.

Отсутствие эквивалента в языке перевода часто компенсируется за счет стилистически уместного варианта другой лексемы или отражается на другом языковом уровне.

Пример 8 (русский). Так я ж тебе теперь навроде жены, Вась? [3. С. 471];
(французский). *Je suis comme ta femme, hein, Vassia?* [4. P. 425];
(нидерландский). *Ik ben toch eigenlijk je vrouw, Vasj?* [5. P. 444].

Во французском тексте просторечный предлог *навроде* компенсируется за счет использования междометия *hein*. Что касается нидерландского текста, переводчик прибегает к транскрибированию обращения, несвойственного языку перевода, что позволяет отразить общую тональность оригинала.

Пример 9 содержит несколько просторечных лексем.

Пример 9 (русский). Кудыть?! Кудыть ты все попер?! Кинь у воды, нехай сами разбираются [3. С. 319];
(французский). *Mais où?! Où t'as fourré tout ça?! Jette ça sur la rive, ils auront qu'à s'y retrouver tout seuls* [4. P. 293];
(нидерландский). *Waar mot 't heen? Waar mot 't naartoe met die zooi?! Pleur 't maar aan de waterkant, kennen ze zelf maar uitzoeken* [5. P. 302].

В двух первых фразах оригинала просторечия выявлены как на морфологическом (*кудыть*), так и лексическом уровне (*переть*). В третьем предложении они отмечены на лексическом уровне (*нехай*). Во французском переводе две первые фразы содержат элементы, свойственные сниженному стилю. В их числе глагол *fourrer*, имеющий помету «фамильярный» (*familier*) в онлайн-словаре www.atilf.fr, а также синтаксические особенности, заключающиеся в опущении частицы *ne*. В переводе на нидерландский язык, как и в оригинале, затрагиваются морфологический (*mot 't*) и лексический уровни (*zooi*). Однако в третьем предложении переводчик привлекает и фонетический уровень (*'t* вместо артикля *het*; *kennen* вместо глагола *kunnen*).

Любопытно, что в определенных случаях переводчику на нидерландский язык удалось отразить стилистические нюансы на том же языковом уровне, что и в оригинале. В следующем примере просторечная форма глагола «хотеть» — *хоца* — передается с помощью соответствующей формы глагола *moeten* («быть должным») — *mot*. Во французском переводе стилистика оригинала передается с помощью междометия *Eh* и лексемы *on* в значении «мы», обе они носят разговорный характер.

Пример 10 (русский). Воды бы, начальник! Пить-то хоца... [3. С. 137];
(французский). *Eh, donne de l'eau, chef! On a soif ici...* [4. P. 132];
(нидерландский). *Ik mot drinken...* [5. P. 130].

В оригинале отмечен ряд лексем, которые по-разному переводятся в различных фрагментах романа. Таково, например, имя существительное *баба* (*бабища*), характеризующееся полисемией, в числе значений которого имеется и просторечное. Согласно Толковому словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, данная лексема имеет в том числе следующие значения: «1. Замужняя крестьянка, а также вообще женщина из простонародья (прост.). 2. Вообще о женщине (иногда с пренебр. или шутил. оттенком) (прост.). 3. То же, что жена (в 1 знач.) (прост. и обл.)» [9]. «Большой толковый словарь русского языка» С.А. Кузнецова указывает эти же значения, но содержит иные пометы касательно стилистической принадлежности: 1. *Трад.-нар.* 2. *Разг.* 3. *Разг.-сниж.* [10]. Кроме того, третье значение дается более развернуто: «женщина, состоящая в интимных отношениях с кем-л.».

Дериват *бабица* трактуется там же как используемый применительно к «крупной, рослой и полной женщине» (*разг.-сниж.*).

При использовании в описаниях лексема *баба* (*бабица*) в обоих переводах подвергается стилистической нейтрализации: *grosse femme* [4. P. 202] — *dikke vrouw* [5. P. 202]. Во внутреннем монологе Игнатова она переводится тремя разными способами. Первый состоит в подборе полного эквивалента во французском и частичного в нидерландском: *баба* в значении «любая женщина» [3. С. 95] — *femelle* [4. P. 93] — *wijf* [5. P. 91]. Второй — в стилистической нейтрализации в обоих языках перевода: *баба* [3. С. 213] в значении «замужняя крестьянка» — *femme* [4. P. 202] — *boerenvrouw* [5. P. 203]. При этом в последнем случае переводчик на нидерландский язык прибегает к лексическому добавлению — дословно «жена крестьянина». Третий способ — стилистическая нейтрализация во французском и подбор частичного эквивалента в нидерландском: *баба* в значениях «жена» или «женщина, состоящая в интимных отношениях с кем-л.» [3. С. 91] — *femme* [4. P. 89] — *prachtwijf* [5. P. 87]; *кулацкая бабенка* [3. С. 189] — *une koulak* [4. P. 180] — *koelakkenwijf* [5. P. 181]. При использовании в диалогах Игнатова с Кузнецом или в речи уголовного Горелова лексема *баба* в значении «женщина, состоящая в интимных отношениях с кем-л.» передается во французском тексте посредством стилистически маркированного эквивалента *bonne femme* [4. P. 414], а в нидерландском — с помощью пейоративного *wijf* [5. P. 433].

Таким образом, переводчики стараются отразить семантику данной многозначной лексемы, обусловленную контекстом, и выбирают соответствующие приемы: стилистическую нейтрализацию в описаниях или при использовании в значении «замужняя крестьянка» и ряд других приемов при ее функционировании в прямой речи (подбор социолингвистического эквивалента или частичного эквивалента).

Заключение

В ходе анализа выявлено 17 случаев употребления тюремного арго, которые нашли различное отражение в переводах. Во французском наиболее часто используется подбор социолингвистического эквивалента (47%) и частичного эквивалента (41%), а также стилистическая нейтрализация (11%). Переводчик на нидерландский язык отдает предпочтение приему стилистической нейтрализации (53%), за которым следует подбор частичного эквивалента (41%) и социолингвистического эквивалента (6%).

Просторечия (всего 56 случаев) находят отражение во французском переводе в основном с помощью подбора социолингвистического эквивалента (53%) и в меньшей степени посредством стилистической нейтрализации (42%). Переводчик на нидерландский язык прибегает в основном к стилистической нейтрализации (44%) и подбору социолингвистического эквивалента (39%), при этом в 10% случаев просторечия переданы за счет арготизмов.

Представляется, что переводчица на французский язык уделяет повышенное внимание различиям между двумя социально маркированными разновидностями русского языка, а для переводчика на нидерландский язык они выступают практически единым целым: просторечия используются для передачи арготизмов и наоборот.

Отметим также, что определение маркированности той или иной лексемы нередко представляется затруднительным, что также объясняет ее различную трактовку переводчиками. Кроме того, необходимо учитывать изменения семантики и стилистической принадлежности исследованных лексем в диахроническом аспекте. Лексические единицы, исходно являвшиеся ярко выраженным маркером принадлежности к определенной социальной группе, со временем вошли в узуальный фонд русского языка, и, как следствие, переводчики воспринимают их в их современном значении.

Широкий спектр стратегий, задействуемых переводчиками, позволяет иностранным читателям не только лучше понять авторский замысел, но и осознать, насколько русский язык, по меткому

выражению Ж. Нива в предисловии к французской версии романа, «способен вобрать в себя бремя страданий народа и в то же время отразить пробивающиеся ростки его надежд» [20. P. 463].

Литература / References

1. Бахтин М.М. Слово в романе // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. С. 72–233. Bakhtin M.M. Slovo v romane // Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniia raznykh let. Moscow: Khudozh. lit., 1975. S. 72–233.
2. Todorov T. Mikhaïl Bakhtine: le principe dialogique, suivi des Écrits du Cercle de Bakhtine. Paris: Seuil, 2002.
3. Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ, 2016.
4. Yakhina G. Zuleikha Opens her Eyes. Moscow: AST, 2016.
5. Iakhina G. Zouleikha ouvre les yeux. Lausanne: Éditions Noir sur blanc, 2017.
6. Jachina G. Zulajka opent haar ogen. Amsterdam: Em. Querido's Uitgeverij, 2017.
7. Жучкова А.В. Посмотри в глаза чудовищ // Полилингвильность и транскультурные практики. 2020. Т. 17. № 4. С. 571–582. Zhuchkova A.V. Posmotri v glaza chudovishch // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2020. T. 17. No. 4. S. 571–582.
8. Улицкая Л. Любовь и нежность в аду // Яхина Г. Зулейха открывает глаза. М.: АСТ, 2016. С. 5–6. Ulitskaia L. Liubov' i nezhnost' v adu // Yakhina G. Zuleikha otkryvaet glaza. Moscow: AST, 2016. S. 5–6.
9. Бахтирцева У.М., Валикова О.А. Транслингвизм и ревитализация культуры // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семантика. 2017. Т. 8. № 1. С. 57–65. Bahtikireeva U.M., Valikova O.A. Translingvizm i revitalizaciia kul'tury // Vestnik RUDN. Seria: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika. 2017. T. 8. No. 1. S. 57–65.
10. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. М.: Азбуковник, 1999. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. Moscow: Azbukovnik, 1999.
11. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка, 2014. URL: www.gramota.ru. Kuznetsov S.A. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka, 2014. URL: www.gramota.ru.
12. Емельянова О.Н. Бранная и вульгарная лексика в толковых словарях русского языка // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2015. № 4. С. 126–130. Emelyanova O.N. Brannaia i vul'garnaia leksika v tolkovykh slovariakh russkogo iazyka // Vestnik Krasnoarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafeva. 2015. No. 4. S. 126–130.
13. Елистратов В.С. Словарь русского арго (материалы 1980–1990 гг.). М.: Азбуковник: Русские словари, 2000. Elistratov V.S. Slovar' russkogo argo (materialy 1980–1990 gg.). Moscow: Azbukovnik: Russkie slovary, 2000.
14. Балдаев Д.С., Белко В.К., Исапов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона: речевой и графический портрет советской тюрьмы. М.: Края Москвы, 1992. Baldaev D.S., Belko V.K., Isupov I.M. Slovar' tiumerno-lagerno-blatnogo zhargona: rechevoi i graficheskii portret sovetsskoi tiur'my. Moscow: Kraia Moskvy, 1992.
15. Robert P., Rey A., Rey-Debove J. Le Nouveau Petit Robert: dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris: Dictionnaires Le Robert, 2002.
16. Dubois J., Giacomo M., Guespin L. Le Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. Paris: Larousse, 2012.
17. Van Dale online woordenboeken: de "dikke" Van Dale. URL: <https://vowb.vandale.nl/>
18. Endt E., Frerichs L. Bargoens woordenboek: kleine woordenschat van de volkstaal. Amsterdam: Erven Thomas Rap, 1972.
19. Waegemans E. Russisch-Nederlands woordenboek van bargoens en kamptaal. Leiden: Plantage, 1994.
20. Щетинкин В.Е. Пособие по переводу с французского языка на русский. М.: Просвещение, 1987. Shchetinkin V.E. Posobie po perevodu s frantsuzskogo iazyka na russkii. Moscow: Prosveshchenie, 1987.
21. Nivat G. Quand la langue russe accueille la misère et l'espoir de l'être humain // Yakhina G. Zouleikha ouvre les yeux. Lausanne: Éditions Noir sur blanc, 2017. P. 459–463.

Бруффартс Наталья Сергеевна,
доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры
русского языка переводческого
факультета им. Мари Халп
Университет Сен-Луи (Брюссель)

Bruffaerts Natalia S.,
PhD, Chargée de Cours, Faculté de
Traduction et Interprétation Marie Haps,
Université Saint-Louis (Bruxelles)

e-mail: natalia.bruffaerts@usaintlouis.be

Льева Катрин,
доктор филологических наук, доцент
кафедры переводоведения
факультета филологии и философии
Университет Антверпена

Lievois Katrien,
PhD, Chargée de Cours, Département
des Traducteurs et Interprètes,
UAntwerpen

e-mail: katrien.lievois@uantwerpen.be

